

Е. А. Ермолин <https://orcid.org/0000-0001-9249-4551>

Булат Окуджава и разложение советской и антисоветской массовой культуры

Окуджава писал и пел в том социокультурном контексте, который связан с формированием и развитием позднесоветской интеллигенции. В ее переживаниях и мотивах Окуджавы немало сходства. Это и утверждение права на жизнь, не опосредованную идеологией и репрессией; на личную религиозность; новая интимность, противопоставленная принудительной публичности; конкретика предмета. Деградация больших общностей привела к амальгамированию социальной группы, состоящей из одиночек, чающих связности и обретающих ее зыбкое подобие в любви к тому, что в искусстве напоминало о неформальности, искренности, личной неприкаянности. В Окуджаве она увидела певца своих грез. Окуджава и его герои были для нее воплощенной утопией человека, и в этом смысле заменили собой героев и вождей советской ойкумены. Однако поэт с нею не во всем совпадал. Нельзя, сказать, что он внушил этой среде аристократический кодекс. Принципы долга и чести оказались ей в основном чужды. Рыцарское поклонение Прекрасной Даме было воспринято поверхностно. Апология творческой свободы прижилась избирательно. Массовая культура позднесоветской интеллигенции пыталась абсорбировать Окуджаву. Но смычка Окуджавы с ее культурой оказалась неполной и кратковременной. Ретроспективно в этой среде видится рефлекс распада жесткой общественной структуры, характерной для индустриального общества, в частности для обществ, схваченных тоталитаризмом на фоне кризиса Модерна, распада больших общностей и их массовой культуры. Когда советская и антисоветская массы иссякли, легимировалась самодовлеющая инакость. Окуджава предугадал как неизбежность одиночества, так и ставку на доверительную коммуникацию, помимо статусов и рангов, характерные для современного мироощущения.

Ключевые слова: Булат Окуджава, публичность, интимность, религиозность, кризис модерна, массовая культура, доверительная коммуникация.

Е. А. Ermolin

Bulat Okudzhava and Decomposition of the Soviet and Anti-Soviet Mass Culture

Okudzhava wrote and sang in the socio-cultural context, which is associated with the formation and development of the late Soviet intelligentsia. Okudzhava has a lot of similarities in its feelings and motives. It is statement of the right to life, not mediated by ideology and repression, and personal religiosity; new intimacy, opposed to forced publicity; the specifics of the subject. Degradation of large communities resulted in the amalgamation of a social group consisting of individuals, making connections and finding its precarious semblance of love for the fact that the art reminded about informality, sincerity, personal rootlessness. It saw the singer of its dreams in Okudzhava. Okudzhava and his characters were to it the embodiment of the utopia of man, and in this sense has replaced the heroes and leaders of the Soviet ecumene. But the poet did not coincided with it in everything. It is impossible to say that he instilled the aristocratic code in this environment. The principles of duty and honor were mostly alien to it. Knight's worship of the Beautiful Lady was taken superficially. Apologia of creative freedom caught on selectively. Mass culture of the late Soviet intelligentsia tried to absorb Okudzhava. But Okudzhava's contact with its culture was incomplete and short-lived. Retrospectively, in this environment we see a reflex of the collapse of a rigid social structure typical for industrial society and, in particular, for societies seized by totalitarianism against the background of the crisis of Modernity, the collapse of large communities and their mass culture. When the Soviet and anti-Soviet mass dried up, the self-sufficient otherness was legalized. Okudzhava foresaw inevitable loneliness and the bet on trust in addition to communication statuses and ranks, which are typical for modern sense of the world.

Keywords: Bulat Okudzhava, publicity, intimacy, religiousness, crisis of a modernist style, mass culture, confidential communication.

Связь Булата Окуджавы с массовой культурой его времени остается предметом дискуссионным. При жизни писателя, в советское время, его песни уличали в «мещанстве», что при некотором мыслительном усилии позволяло найти для них довольно массового адресата, пусть даже и порицаемого официальной пропагандой. Собственно, и успех этих песен связывался в критике с прискорбной многочисленностью презренных советских мещан и обывателей, падких на Окуджаву.

Однако эта позиция официоза абсолютно не соответствовала реальности. Аудиторией Окуджавы были, как правило, люди, не ограничивающие себя

стремлением к житейскому благополучию, чуждые обывательской морали в любых ее проекциях, далекие от самодовлеющих прагматизма, цинизма, конформизма и пофигизма.

Но в этой «группе поддержки» связь Окуджавы с массовой культурой не угадывалась и не продумывалась. Только в нашем веке оказалось возможно посмотреть на ситуацию с некоторой дистанции, которая позволяет высказывать суждения, основанные на той или иной логической аргументации. К тому же именно в последние лет двадцать окуджавоведение развивалось довольно бурно, и на гора было

выдано огромное количество аналитических материалов, связанных с творчеством писателя.

Базисной работой для темы о связях Окуджавы и массовой культуры стала статья Н. А. Богомолова «Булат Окуджава и массовая культура», исходно прозвучавшая в виде доклада на конференции, посвященной Окуджаве, а потом опубликованная в «Вопросах литературы» (2002) и в авторском сборнике статей (2004) [1]. Богомолов исходит из того, что массовая культура есть культура стереотипов. Советская массовая песня насквозь стереотипна и представляет собой характерный феномен официально признанной в те времена массовой культуры. Окуджава же последовательно стереотипы нарушает и разрушает, создает «альтернативную поэтику и мелодику», «разрушая заранее известные ходы на всех уровнях, от стихотворческого до высшего, смыслового». Уже в первых его песенках 1956-1957 гг. все «противостояло официальному канону: вместо реального или подразумеваемого оркестра – гитара, вместо сложных партитур – три, а то и вовсе два аккорда, вместо безличности и беспристрастности – множество имен и названий». А главное, Окуджава ориентировался не на советскую массу. Напротив, «всеми своими силами Окуджава стремится разрушить главное начало советской массовой песни. Единство всех имеющих к ней отношение <...> обеспечивалось абсолютной применимостью ситуаций к любому и каждому. К песенкам (и здесь подчеркну неслучайность этого уменьшительного наименования) Окуджавы человек должен был сам формировать свое отношение, и оно могло быть каким угодно, от полного и самозабвенного восторга до громокипящего негодования, причем очень часто вовсе не наигранного, а вполне искреннего. Но каждый раз слушатель оставался наедине с самим собой» [1].

Далее Богомолов указывает, однако, на то, что эти «песенки» в восприятии позднесоветской интеллигенции (слушателя и почитателя Окуджавы) сами по себе стереотипизировались. «Разрушив прежние стереотипы, песни Окуджавы дали возможность этой публике построить новые. Полагаю, что сами они в этом повинны не были, да и стереотипы возникли на самом деле другие, гораздо более достойные, – но возникли, и творчество стало восприниматься по тому же закону тождества, что и всякая массовая культура. От Окуджавы стали ждать того же самого, что он давал прежде, притом, как в случае с любым искусством, воспринимаемым массовым сознанием, это давание осознавалось лишь тогда, когда совпадали внешние приметы. Художник, дающий принципиально новое, на глазах превращался в звезду для определенной аудитории.

И это Окуджаву решительно не устраивало», что определило внутреннее напряжение в зрелом и позднем творчестве мастера и его стремление уходить от себя прежнего, искать новое личностное ка-

чество. В любом случае, по Богомолову, выходит так, что «общего поля у Булата Окуджавы и массовой культуры не существует. Они работают принципиально по-разному, и художественный мир первого, выжженный второй, не способен ничего никому сказать» [1].

Идеи Богомолова корреспондируют с выводами Георгия и Светланы Хазагеровых [10] и рассуждениями Дмитрия Быкова [2]. Все они исходят из того, что Окуджава – представитель «аристократической линии русской литературы», по Хазагеровым – посредством личного самоотождествления с русским дворянством или с легендой о нем, по Быкову – принц в опале. При этом аристократизм Окуджавы рифмуется с ресурсом такого рода, созревшим в среде позднесоветской интеллигенции, певцом которой Окуджава и стал. Но и Хазагеровы, и Быков исходят, как можно предположить, из уверенности в том, что аристократический кодекс ценностно не может совпасть со смысловой аурой массовой культуры в принципе, а следовательно, разговор о причастности к ней Окуджавы совершенно неуместен.

Иной подход реактивно сложился у некоторых критиков популярной книги Быкова, вышедшей к настоящему времени уже четвертым изданием. Публицист Игорь Манцов рассуждает следующим образом: «Окуджава выдерживает самый пристрастный взгляд, самую суровую ревизию. Булат Шалвович – безупречный гений масскульта. <...> Массовое общество и массовая культура диктуют свои законы. Пролетарская эстетика поднадоела, в обществе более-менее сытого “развитого социализма” масса размечталась о галантности с кургузностью. Окуджава, уточню, оказался на высоте: отрабатывал эту поэтику, развивал ее самым профессиональным образом и при этом давал аудитории уроки мифопоэтического мышления, приобщал ее к архетипу – от греческого слова “первообраз”, то есть к образам универсальным, на все времена» [6]. Говоря об архетипах, Манцов восходит к пониманию их как своего рода стереотипов; в его толковании Окуджава, отвергнув советские стереотипы, обратился к стереотипам более традиционным, «универсальным» (которые аудитория часто находит в массовой культуре, добавим мы от себя).

Не столь решительно говорил о чем-то похожем Владислав Кулаков, полемизируя с Богомоловым: «...столь ли велика пропасть между, скажем, “Темной ночью” (песней, упоминаемой Богомоловым в качестве примера одного из высших достижений советского масскульта) и, скажем, “Вы слышите, грохочут сапоги”? Окуджава умел работать жанрово, функционально, писал на заказ песни к фильмам, и, между прочим, получались одни хиты <...> “шлягерный” потенциал песен Окуджавы несколько не противоречит их тонкому лиризму, их принадлежности “высокой поэзии”» [5].

Наконец, заслуживает упоминания точка зрения А. П. Мидлера. Он говорит о нескольких уровнях или горизонтах явлений массовой культуры. Низший – «лоу броу» (с такими его выражениями, как вульгарность, банальность, пошлость, примитивность, сексизм, инфантилизм). Второй – поп-культура: «...за ним стоит широкомасштабная (“поистине популярная”) культура, которую невозможно назвать вульгарной <...> Когда мы слушаем лучшие вещи “Битлз”, или, скажем, песни В. Высоцкого и Б. Окуджавы, и даже знаменитого “Арлекино” в исполнении А. Пугачевой, только самому неразборчивому критику придет в голову называть эти произведения “масскультом”». Далее Мидлер рассуждает следующим образом: популярные произведения искусства и культуры в главном своем духовном смысле просты. Они «прямо или косвенно отражают общечеловеческие и общенародные ценности: за защиту национальных чувств, против нападения на духовные ценности других лиц и народов, против надругательства над святынями, против насилия, против аборт, против гомосексуализма и т. д. ... Произведения такого класса принадлежат срединной культуре, представляющей собой синтез “лоу броу” и ценностей высокой культуры» [7].

У Мидлера Окуджава вписан в массовую культуру, которая дифференцируется на уровни, но при этом сохраняет и утверждает некие традиционные ценности и пользуется признанием у широкой публики. Позиция Мидлера максимально отвлекает творчество Окуджавы от исторического контекста и исторической среды, делая его всевременным. Представляется, однако, что без более детального осмысления этого контекста невозможно дать глубокое истолкование миссии и места «песенок» Окуджавы (как, впрочем, и песен Галича и Высоцкого).

Трудно усомниться в том, что Окуджава писал и пел свои песни в том социокультурном контексте, который связан с формированием и развитием позднесоветской интеллигенции [4]. Однако едва ли можно сказать, что поэт с нею совпадал во всем. Были элементы совпадения, были и несходства. В полном смысле Окуджава не был голосом этой специфической сословно-корпоративной общности, сложившейся в 50-60-е гг. XX в. и медленно, безнадежно угасающей в постсоветское время. Нельзя, мне кажется, сказать, что он внушил этой среде аристократический кодекс (даже если и пытался это сделать) – принципы долга и чести в основном оказались чужды позднесоветским интеллигентам. В этой среде любили разговоры аристократического свойства, но не умели и не хотели применять к житейской практике то, что связано с добровольно принятыми на себя обязанностями аристократа.

Да даже и рыцарское поклонение Прекрасной Даме (этот окуджавский романтический культ) было воспринято и реализовано в основном весьма поверхностно; скорее в праздном застолье, чем в серь-

езной жизненной практике (отчасти и в архипамятном школьном стиле: дети, будьте рыцарями, не держите одноклассниц за косички!).

Наконец, и другой окуджавский культ, апология творческой свободы, также прижился весьма избирательно, что вполне проявили и показали конец XX в. и начало века нашего.

При этом в мотивах Окуджавы и идеокомплексах, переживаниях позднесоветской интеллигенции есть и немало сходств. Это, скажем, утверждение права на жизнь, не опосредованную идеологией и репрессией, и на личную религиозность (особого рода гуманность); новая интимность, противопоставленная брутальной советской коммунальности, принудительной публичности (специфическая задушевность); конкретика предмета (вещи, чувства, топографические реалии, нетривиальные перипетии отношений).

Позднесоветская интеллигенция клубилась, была чрезвычайно реактивна, но при этом зачастую душевно аморфна и житейски беспомощна. Она с большим трудом воспринимала все то, что требовало от нее какой-то самоотдачи, самой скромной жертвы (хотя могла искренне почитать отдельно заявивших о себе борцов за права человека, с бесчеловечным режимом, видя в них какой-то оторванный от своей жизни эталон героизма). В этой среде не сложилась и готовность осознавать и отстаивать свои интересы в трудной битве жизни.

Как социальное явление, как культурная общность позднесоветская интеллигенция не выдержала испытания новых времен. Выяснилось, что удерживать свое единство она могла лишь перед лицом оппонента – советской власти. Она капитулировала и в целом довольно бесславно расплылась не хуже колен Израилевых (что не повод отрицать наличие личной доблести, рефлексов долга и чести у отдельных ее представителей).

В каком-то смысле можно согласиться с Богомоловым: массовая культура позднесоветской интеллигенции существовала и пыталась абсорбировать Окуджаву. А Окуджава и шел, и не шел ей навстречу. Но выходит, что смычка Окуджавы с ее культурой оказалась и неполной, и кратковременной. Нельзя жить на облаке.

Деградация и иссякание больших общностей во второй половине XX в. привели на какое-то время к амальгамированию в наших палестинах особого рода социальной группы, состоящей из одиночек, чуждых связности и обретающих ее зыбкое подобие в любви к тому, что в искусстве напоминало об антиформальности, искренности, о личной неприкаянности. В Окуджава она, пожалуй, видела певца своих грез, дистанцированного от власти и от социальных конфликтов вообще. Окуджава и его герои были для нее воплощенной утопией человека и в этом смысле вполне заменили собой тоталитарных фантомов, героев и вождей советской ойкумены.

Ретроспективно в этой среде мы видим знамение, ближайший канун и острый рефлекс распада традиционной жесткой общественной структуры, характерной в целом для индустриала и, в частности, для обществ, схваченных тоталитаризмом на фоне кризиса Модерна, распада больших общностей и их массовой культуры.

И советская, и антисоветская масса оказались застигнуты врасплох серьезностью исторического вызова 90-х гг. и начала нашего века. Масса распалась, но легимировалась в итоге самодовлеющая инаковость. На фоне кризиса становился фактом Постмодерн с его практиками (культурой меньшинств/субкультур), плюрализмом, толерантностью, политкорректностью, мультикультурализмом, протезизмом, с его фантомальным онлайн и пароксизмами блогинга, невероятно актуализирующими и кульминирующими существование.

На исходе жизни Окуджава не опознал в подступающей новизне того, что было ему родственно, что связано с пафосом одиночки, отщепенца, не совпадающего до конца с мейнстримом даже самой комфортной среды обитания и общения. Но теперь мы видим, что он, по сути, предугадал как неизбежность одиночества, так и ставку на доверительную коммуникацию, помимо статусов и рангов, характерные для мироощущения наших переломных, наших драматических и отчаянных десятилетий. Окуджава жил приливом драматизма и отчаяния, которые в 90-х не так чтобы многие хотели с ним разделить. Зато в нашей современности готовность принять его поздний опыт как крупицу долгожданной зрелости стала мематизмом, лейттемой, причем в устрашающем избытке.

Библиографический список

1. Богомолов, Н. Булат Окуджава и массовая культура [Текст] / Н. А. Богомолов // Вопросы литературы. – 2002. – № 3. – С. 4-14. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2002/3/bog.html>
2. Быков, Д. Булат Окуджава [Текст] / Д. Быков. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 777 с.
3. Быков, Д. Советская литература. Краткий курс. Часть 2. Массолит. Советская и постсоветская массовая культура [Текст] / Дмитрий Быков // Современные проблемы. Библиотека им. Елены Евдокимовой – URL: <http://modernproblems.org.ru/memo/290-dmitrybykov.html?start=14>
4. Кнабе, Г. С. Булат Окуджава и три эпохи культуры XX в.: проблема «мы» [Текст] / Г. С. Кнабе. – URL: <https://culture.wikireading.ru/62187>
5. Кулаков, В. Голос надежды. Новое о Булате Окуджава. Уходящая натура [Текст] / В. Кулаков // Знамя. – 2007. – № 4. – URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=3261>
6. Манцов, И. Окуджава. Никакой не аристократ [Текст] / И. Манцов. – URL: http://www.kultpro.ru/item_334/
7. Массовая культура в современном обществе: понятие и сущность [Текст]: интервью с А. П. Мидлером / А. П. Мидлер. – URL: <https://studme.org/55799/kulturologiya/>

massovaya_kultura_sovremennom_obschestve_ponyatie_suschnost

8. Суворов, Н. Н. Элитарное и массовое в культуре постмодернизма [Текст] / Н. Н. Суворов. – СПб.: СПбГУКИ, 2004. – 372 с.
9. Туровская, М. Советский средний класс [Текст] / Майя Туровская // Неприкосновенный запас. – 2002. – № 1 (21). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/21/tur.html>
10. Хазагеров, Г., Хазагеров, С. Окуджава и аристократическая линия русской литературы [Текст] / Г. Хазагеров, С. Хазагеров. – URL: <http://www.khazagerov.com/okudjava/88-okudjava>
11. Чередниченко, Т. В. Типология советской массовой культуры: между «Брежневым» и «Пугачевой» [Текст] / Т. В. Чередниченко. – М.: Культура, 1994. – 255 с.

Reference List

1. Bogomolov, N. Bulat Okudzhava i massovaya kul'tura = Bulat Okudzhava and mass culture [Tekst] / N. A. Bogomolov // Voprosy literatury. – 2002. – № 3. – S. 4-14. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2002/3/bog.html>
2. Bykov, D. Bulat Okudzhava = Bulat Okudzhava [Tekst] / D. Bykov. – M.: Molodaja gvardija, 2009. – 777 s.
3. Bykov, D. Sovetskaja literatura. Kratkij kurs. Chast' 2. Massolit. Sovetskaja i postsoverskaja massovaja kul'tura = Soviet literature. Brief course. Part 2. Massolit. Soviet and Post-Soviet mass culture [Tekst] / Dmitrij Bykov // Sovremennye problemy. Biblioteka im. Eleny Evdokimovoj = Modern problems. Elena Evdokimova Library. – URL: <http://modernproblems.org.ru/memo/290-dmitrybykov.html?start=14>
4. Knabe, G. S. Bulat Okudzhava i tri jepohi kul'tury = XX v.: problema «my» Bulat Okudzhava and three eras of culture of the XX century: problem «we» [Tekst] / G. S. Knabe. – URL: <https://culture.wikireading.ru/62187>
5. Kulakov, V. Golos nadezhdy. Novoe o Bulate Okudzhave. Uhodjashhaja natura = Hope voice. New about Bulat Okudzhava. The leaving nature [Tekst] / V. Kulakov // Znamja. – 2007. – № 4. – URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=3261>
6. Mancov, I. Okudzhava. Nikakoj ne aristokrat = Okudzhava. He is not any aristocrat [Tekst] / I. Mancov. – URL: http://www.kultpro.ru/item_334/
7. Massovaja kul'tura v sovremennom obshhestve: ponjatie i sushhnost' = Mass culture in modern society: concept and essence [Tekst] : interv'ju s A. P. Midlerom / A. P. Midler. – URL: https://studme.org/55799/kulturologiya/massovaya_kultura_sovremennom_obschestve_ponyatie_suschnost
8. Suvorov, N. N. Jelitarnoe i massovoe v kul'ture postmodernizma = Elite and mass in postmodernism culture [Tekst] / N. N. Suvorov. – SPb.: SPbGUKI, 2004. – 372 s.
9. Turovskaja, M. Sovetskij srednij klass = Soviet middle class [Tekst] / Majja Turovskaja // Neprikosnovennyj zapas. – 2002. – № 1 (21). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/21/tur.html>
10. Hazagerov, G., Hazagerova, S. Okudzhava i aristokraticeskaja linija russkoj literatury = Okudzhava and aristocratic line of the Russian literature [Tekst] / G. Hazagerov, S. Hazagerova. – URL: <http://www.khazagerov.com/okudjava/88-okudjava>
11. Cherednichenko, T. V. Tipologija soverskoj massovoj kul'tury: mezhdz «Brezhnevym» i «Pugachevoj» Typology of the Soviet mass culture: between «Brezhnev» and «Pugacheva» [Tekst] / T. V. Cherednichenko. – M.: Kul'tura, 1994. – 255 s.